
Извѣстно, что нѣкоторыя секты безпоповцевъ считаютъ всѣхъ русскихъ государей, начиная съ Алексѣя Михайловича, воплощеніемъ антихриста; высшіе государственные чины, начиная съ генеральскаго, и церковные съ архіерейскаго, воплоще-

№1 For Evaluation Only.

Чиновныхъ — мелкими обидами, — и толкуютъ, основываясь на писаніи, что православные (т. е. они сами) должны вести брань съ антихристомъ. Спрашивается, — какъ было имъ не протянуть руки намъ, русскимъ революціонерамъ, или даже полякамъ, на союзъ? Какъ было не заключить этого союза съ нами, шедшими во имя свободы, имъ, шедшимъ противъ силы ада? И чтожь выходило? «Сатана-то онъ сатана, говорилъ мнѣ одинъ безпоповскій наставникъ про....., мы это доподлинно знаемъ: такъ отъ писанія выходитъ; — да бунтовать противъ него дѣло намъ неподходящее, потому что сказано: «Властемъ придержащимъ повинуйтесь, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога суть».

— Да вѣдь онъ антихристъ? говорилъ я.

— «Антихристъ»... отвѣчали мнѣ.

— Антихристъ значитъ сатана?

— «Значитъ сатана»...

— Стало-быть слѣдуетъ повиноваться сатанѣ, по-вашему?

— Нѣтъ, не слѣдуетъ: это будетъ великій грѣхъ, — этого отъ писанія не показано».

— Такъ стало надо брань вести?

какъ отъ писанія показано».

— А какъ же отъ писанія показано? спрашивалъ я, желая позаимствоваться.

— «Отъ писанія показано, что святые никогда не бунтовали а гоненія и мученія за вѣру претерпѣвали, огнемъ и мечемъ казнь смертную принимали, а бунтовщиками святые никогда не были».

— Такъ вы сатаны стало слушаетесь?

— «Нѣтъ, мы не сатаны слушаемся,—а мы русскаго царя первые, значить, слуги».

— Хороши вы первые слуги, когда за него даже молиться не хотите.

— «А молиться за него намъ не показано, потому что онъ никоніанской вѣры держится, и молиться мы за него не станемъ, а станемъ мы его обличать. Обличаемъ и за то гоненіе терпимъ и разсѣяніе великое,—а бунтовать намъ все-таки противъ власти не приходится, потому что—одно слово—царская власть. Такъ и отъ писанія показано, что царской власти повиноваться надо. Кабы не царская власть, такъ бы всѣ народы въ смятеніе пришли и не было бы никакого порядка и

уст For Evaluation Only.

ханіе великое.— Вотъ что, другъ любезный!»

— Такъ вы, значить, и противъ поляковъ пойдете, которыхъ такъ же гонять и тѣснить, какъ и васъ?

— «А полякъ зачѣмъ бунтуетъ? зачѣмъ ему противъ русскихъ вставать? Небось, нашихъ бить и рѣзать хотить?»

— Да вѣдь ты же говорилъ, что у поляка волю отняли, всего его лишили.....

— «А онъ, значить, противъ насъ не бунтуй; потому что полякъ безмозглый, никакихъ порядковъ соблюсти не умѣетъ. Отчего ему не покориться? Всѣ мы покоряемся.— Коли вѣру его тѣснить,— пускай обличаетъ, пускай на соборъ идетъ и нашихъ пусть призываетъ. Мы ему и докажемъ, которая вѣра права, его ли папешская или великороссійская-синодская или наше древле-православное благочестіе. А бунтовать мы не станемъ, и поляку бунтовать тоже не дозволимъ, потому что надо царство соблюдать, какой тамъ царь ни-на-есть—это дѣло первое. И святые бывали воинами у нечестивыхъ царей для того только, чтобъ царство соблюсти. А мы бы и отъ рекрутчины не

не препятствовали.....»

Не могу я воздержаться, чтобъ не рассказать одного случая со мной въ Добруджѣ. — Томимый своими сомнѣніями, бродилъ я пѣшкомъ около Тульчи, изучая нравы и бытъ мѣстнаго населенія: русскихъ, малороссовъ, татаръ, болгаръ, грековъ, молдаванъ, нѣмцевъ..... Ночь застигла меня въ степи. Страшно-усталый я ужъ собрался прилечь гдѣ-нибудь у кургана, какъ вдругъ вдали блеснулъ огонекъ. — Это была корчма-бурдейка, т. е. выкопанная въ землѣ. Я вошелъ; спросилъ себѣ чего-то и присѣлъ въ уголокъ. Подлѣ меня на лавкѣ сидѣло три чело-вѣка, очевидно, не мѣстныхъ жителей. Это были поляки, шедшіе пѣшкомъ, безъ копѣйки въ карманѣ, изъ Цареграда въ Галичину участвовать въ польскомъ возстаніи. Двое были мужчины, а третій оказался женщиной въ мужскомъ платьѣ.... Сидѣвшій подлѣ меня, высокій брюнетъ, чрезвычайно красивой и симпатичной наружности, горячо проповѣдывалъ что-то нѣсколькимъ старообрядцамъ, которые сидѣли на другой скамьѣ. За стойкой стоялъ грекъ, сильно ругавшій Россію за нашу политику старыхъ временъ, поддержавшую Турцію

въ For Evaluation Only.

войну, мы не объявили независимости Балканскаго полуострова, за то, что мы нерѣшительны, за то, что мы болѣе дорожимъ мнѣніемъ запада и такъ называемыми интересами цивилизаціи, чѣмъ искренно преданными намъ нашими единовѣрцами юго-восточной Европы; за то, что мы самихъ себя не уважаемъ, сами въ себя не вѣримъ, и т. д. и т. д.—обыкновенная пѣсня, которую можно слышать на югѣ отъ любого православнаго турецкаго или румунскаго подданаго. Красивый полякъ ему поддакивалъ и обращался преимущественно къ старообрядцамъ, толкуя имъ о правотѣ польскаго дѣла, о казачествѣ, о казачьей волѣ и о казачьей славѣ.

— Вѣдь вотъ на васъ посмотрѣть, говорилъ онъ—изъ-за чего страдаете? За что васъ гонять? Васъ тоже за вѣру, какъ и насъ, преслѣдуютъ. Въ нашихъ краяхъ еще недавно была унія, и вотъ силой закрыли уніатскія церкви,—народъ плачетъ объ уніи, потому что уніатскіе попы были люди умные, строгой жизни, строгой нравственности, а теперъ наслали пьяницъ, воровъ, чуть ни разбой-

народъ ничему не учать.

Высокій, плечистый, широкобородый старообрядецъ, къ которому товарищи его, все молодые люди, относились съ видимымъ почтеніемъ, какъ къ хозяину, — впоследствии я узналъ, что онъ былъ бессарабскій купецъ, а товарищи его были его прищипки, — улыбнулся и проговорилъ:

— «Да, это точно. Унія ваша была дѣло не крѣпкое, разомъ вырвалъ ее Николай Павловичъ съ корнемъ вонъ, такъ что даже и запаху не осталось. А вотъ насъ, старообрядцевъ-то, били, били, а никакъ до смерти не убили; мы все тутъ да тутъ, да все еще насъ больше становится!.....»

— Уніатовъ нѣтъ, продолжалъ полякъ, какъ будто не обращая вниманія на слова старообрядца, — потому что всѣ церкви уніатскія обратили въ православныя, а всѣхъ поповъ, которые не хотѣли принять греко-россійской вѣры, посылали.

→ «Я къ тому и веду, говорилъ старообрядецъ — что, значить, некрѣпкая вѣра была унія, коли можно было въ одинъ годъ перевести ее. Вотъ и у старообрядцевъ посылали поповъ и наставниковъ, и церкви и моленныя позакрывали и печати

пон: **For Evaluation Only.**

глядишь, въ москвѣ архіереи выросъ, закрыли въ Москвѣ церковь — анъ , глядишь , епархіи развелись. Значить, плохая вѣра была уніа-то ваша, не твердая была, коли можно было ее взять да и съ корнемъ вонъ, ровно за окошко выбросить».....

— Это правда, отвѣчалъ полякъ, — у насъ народъ глушь, какъ бараны: возьми палку да гони его куда хочешь, сегодня въ унію, завтра въ православіе, а послѣзавтра хоть — въ жидаы.

— «Къ тому то я и клоню, продолжалъ старообрядецъ, что, значить, вѣра не крѣпкая была, коли народъ за нее не стоитъ. — Анъ то, чтѣ вы говорите, пане, что народъ глупый: а я вамъ скажу, что народа глупаго нѣтъ, а есть вѣра не крѣпкая, за крѣпкую вѣру стоять, а за некрѣпкую вѣру не стоять».

— Да оно, пожалуй, такъ, говорилъ полякъ, — наша католическая вѣра крѣпче будетъ всякой уніи и всякой греко-россійской церкви, наша вѣра такая же крѣпкая, какъ и вотъ ваша раскольничья.

— «Раскольничья—говорить не слѣдуетъ! это выходитъ обидно: мы не раскольники, а мы право-

называть: мы, значить, старину держимъ».

— Ну такъ вотъ я и говорю, что двѣ вѣры крѣпкія — ваша старообрядская, да наша католическая. Какъ у васъ закрываютъ церкви, такъ и наши закрываютъ, да еще обращаютъ ихъ въ магазины, — жидамъ даютъ квартировать въ нихъ!!!! А кто гонитъ и насъ и васъ? Одинъ и тотъ же свѣтѣйшій правительствующій синодъ. — Въ Россіи чего хотятъ? Въ Россіи хотятъ, чтобъ у всѣхъ былъ одинъ языкъ, одна вѣра, и чтобъ по всѣмъ спиnamъ одинъ кнутъ ходилъ. Одни только мы дѣло и дѣлаемъ: встали за свою вольность и за вольность вашего же русскаго народа. Мы идемъ за нашу и вашу вольность! Врагъ у насъ общій: русское правительство и греко-россійскій синодъ. — Если бы вы, гг. старообрядцы, были поотважнѣе, да поддержали насъ въ Россіи, поднялись вмѣстѣ съ нами, слетѣло бы, въ тартарары провалилось бы это правительство, гонитель и мучитель всѣхъ своихъ подданныхъ! — Всѣмъ стала бы воля, и были бы мы, поляки, лучшіе друзья и пріятели вольныхъ русскихъ.

— «Я къ тому и веду, что, не дѣло вы, пане,

говс

и допивая стаканъ вина; дать вамъ волю — и всѣмъ дать волю: царство если разрушить, какой порядокъ будетъ? Каждый въ свою сторону потянетъ. И нѣмцы забунтуютъ тоже и отложатся отъ Россіи — только примѣръ покажи....»

— Что жъ, что нѣмцы отложатся: и нѣмцы тоже люди, и имъ тоже воли хочется. Пусть всѣмъ будетъ хорошо; каждому надо свое дать, чтобъ каждому народу и каждой вѣрѣ было свободно, — только тогда на землѣ честному человѣку и житье будетъ....

— «А коли вѣрѣ дать свободу, говорилъ старообрядецъ, — такъ опять толку не будетъ: это значить, ваша папешская вѣра станетъ народъ рускій смущать, опять унию заводить можно будетъ. Это значить нѣмецъ тоже пойдетъ въ свою лютерскую ересь народъ переводить. Тогда и пошатнется все, тогда и древнее православное благочестіе исчезнетъ».

— Да отчего жъ, говорилъ полякъ — нельзя позволять людямъ вѣровать такъ, какъ они хотятъ? Если, дастъ Богъ, освободится Польша, то мы первые сдѣлаемъ законъ, что каждый изъ насъ, изъ

Захочетъ быть лютераниномъ — будь лютеранинъ; захочетъ православнымъ сдѣлаться — будь православный; захочетъ сдѣлаться старообрядцемъ — будь старообрядцемъ; даже въ жида, въ турки пойдѣ, кому охота пришла....

— «Ну вотъ я и довелъ, значить теиерь, васъ. Теперъ и всѣмъ стало видно, что энто не порядокъ вы, пане, говорите, сказалъ старообрядецъ, выпрямился и подошелъ къ стойкѣ. — Ученый вы человекъ и изъ пановъ, это видно, только вы, значить, не дошли еще; а я вамъ сейиасъ покажу, что такое старообрядцы, и какъ легко подбить ихъ на то, куда вы это клоните. Мы понимаемъ, къ чему вы ведете рѣчь-то эту — къ бунту».

— «Костаки, крикнулъ онъ корчмарю — двѣ оки *) вина», и самъ, повернувшись круто къ поляку, уперся руками въ бока и разставилъ ноги: — *sprichst du deutsch?!..*»

Полякъ глядѣлъ на него, выпуча глаза. Я тоже смотрѣлъ въ недоумѣннн....

— «Ja, ich bin ein deutscher! Ich bin von geburt

---

*) Ока какъ мѣра жидкости, равняется двумъ бутылкамъ шампанскаго.

ein altgläubiger....»

Минута молчанія была по истинѣ торжественная. Я и полякъ, мы всѣ смотрѣли на него въ недоумѣніи; товарищи его, старообрядцы, подсмѣивались исподтишка. Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту могучую фигуру въ рубахѣ съ косымъ воротомъ, въ русскихъ портахъ и сапогахъ съ высокими голенищами, и въ армякѣ, надѣтомъ въ одинъ рукавъ. Закоптѣлая лампа тускло бросала свѣтъ на это энергическое, умное лицо бывшего колониста, на его огромную бороду съ просѣдью и на его маленькіе сѣрые, какъ-то серьезно-веселые, глаза.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ нѣмецъ? спросилъ я его.

— «А вотъ, какъ видите, отвѣчалъ онъ — еретикомъ родился, а какъ позналъ правую вѣру да окрестился, такъ таперича самъ себя человѣкомъ чувствую, и ни за что ужъ этой вѣры на ересь не промѣняю. А вы, небось, изъ ихнихъ?» и онъ ткнулъ пальцемъ въ поляковъ.

— Нѣтъ, я русскій, отвѣчалъ я.

— «Вы по какому же согласію?»

— православными, отъвѣчалъ. — или, по вашему, никоніанинъ.

— «Это ничего — привѣтливо улыбнулся онъ — все значить, къ намъ ближе, чѣмъ къ нимъ, и вотъ ужъ вы бунтовать не станете!»...

— А вы по какому согласію? спросилъ я его, проглатывая его неумышленную пилюлю.

— «Я по старой вѣрѣ».

— Священство новое признаете?

— «Нѣтъ, пакости австрійской не признаемъ. Священства таперича на землѣ нѣтъ, сударь вы мой, отъ лѣтъ Никона патріарха нѣтъ...»

— И какого толка вы держитесь? спрашивалъ я его.

— «Да какого же держаться? Теперь одинъ толкъ только и есть, котораго держаться можно...»

— Какъ же вашихъ называютъ?

— «Да называются всячески: безпоповцами называютъ, филипповыми называютъ, раскольниками называютъ, а мы сами себя православными именуемъ».

(Филипповщина признаетъ царя антихристомъ.)

Костяки тѣмъ временемъ нацѣдилъ двѣ оки вина.

разливая вино по стаканамъ (разумѣется, они подали свои собственные — филипповцы не мѣщаютъ), хочу я это позабавить пановъ да и васъ, молодцевъ, уму наставить!!!... Кто со мной будетъ пить за здравіе и долгоденствіе синода?..»

Старообрядцы пожались, переглянулись и въ раздумьѣ задвигались къ стойкѣ, очевидно не смѣя противорѣчить хозяину и полагаясь на его богословскій авторитетъ. Я тоже подошелъ и тоже взялъ стаканъ, во-первыхъ искренно, а во-вторыхъ изъ любопытства участвовать въ этой невѣроятной комедіи и видѣть эффектъ ея на бѣдныхъ поляковъ.

— «Таперича отчего будемъ пить за здравіе синода? — Оттого, что покуда есть синодъ (святѣйшимъ онъ его никогда не называлъ), до тѣхъ поръ ни католикамъ, ни лютерамъ, ни кальвинамъ, ни молоканамъ, ни скопцамъ богопротивнымъ — воли нѣтъ. Синодъ грѣхъ великій, — не освященный онъ а паче оскверненный; это точно, — да онъ такую сякую, а все будто православную вѣру блюдетъ. Покуда онъ въ силѣ, до тѣхъ поръ еще не въ конецъ пропала вѣра правая, — такъ, значить, надо

ствіе синода!!!»

И мы выпили. — Оставалась еще ока вина.

— Танерича за здравіе и благоденствіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссийскаго Александра Втораго Николаевича — чтобъ онъ одолѣлъ всѣхъ своихъ враговъ и супостатовъ, паче же бунтовщиковъ и безбожниковъ, и чтобъ Земли Русской, въ которой наша вѣра православная, хоть и слабо, а все-таки соблюдается, не растерялъ. (Но «пошли ему Богъ» — тонкій богословъ все-таки не сказалъ — молиться за царя филипповымъ нельзя).

И мы выпили за здоровье Государя.

— «Alez to szelma moska!» прошептала высочій полякъ.

— «To musi być albo szpeg, albo agent!» замѣтила ему шепотомъ поляка.

Мнѣ было смѣшно, досадно и вмѣстѣ совѣстно. Это было весною 1864 г.

Не разъ, не два, а десятки разъ бывали со мной подобныя столкновенія. Молоканы, которыхъ у насъ считаютъ почему-то республиканцами; скопцы, у которыхъ есть не только свой царь, но и цѣлая

цар

хіерей; хлыстовская богородица, которая, предлагая мнѣ сдѣлаться христомъ, говорила мнѣ, что я буду царемъ небеснымъ и земнымъ и владыкой всего міра видимаго и невидимаго, такъ что всѣ цари земные по моей власти ходить будутъ, — всѣ они были такіе вѣрноподаанные государя и такіе русскіе патриоты, какихъ поискать надо. Дѣло вѣры у нихъ само по себѣ; дѣло практической жизни, этотъ глубокій государственный смыслъ, проникшій всю нашу исторію и весь нашъ народный и домашній бытъ — опять само по себѣ.

Кажется, что послѣ «Окружнаго Послания», предавшаго анаѳемѣ лондонскихъ дѣятелей, ни одинъ честный окружникъ не сталъ бы сидѣть въ одной комнатѣ со мной, — а между тѣмъ я преспокойно распивалъ чай съ бѣлокриницкими архіереями и гащивалъ у самыхъ искреннихъ старообрядцевъ.

Много толкуютъ о нашей страсти къ обрядамъ и къ формальностямъ, да сплошь и рядомъ обвиняютъ нѣмцевъ за введеніе у насъ бюрократизма, формализма, за страсть къ мундирамъ и къ чиновничеству. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы тутъ нѣмцы виноваты были; они, кажется мнѣ, только жару

заглянуть въ наши лѣтописи и хронографы, вспомнить мѣстничество, разряды, времена приказовъ, чинъ царскаго вѣнчанія, выхода, приѣма носольствъ, чтобъ убѣдиться, что эта страсть къ обрядности, которая высказалась у насъ такъ рѣзко въ расколѣ и въ чиновничествѣ, даже въ недавней парадной выправкѣ солдатъ и въ подливаніи ружейныхъ винтовъ, присуща нашему народному духу съ тѣхъ поръ, какъ народъ нашъ самъ себя помнить.

Соблюденіе формы во всемъ стоитъ у насъ впереди, во всемъ требуется не столько внутренняго убѣжденія, сколько внѣшняго приличія. Старообрядецъ у насъ не тотъ, кто вѣруетъ искренно, что съ 1666 г. правая вѣра пошатнулась, а тотъ, кто крестится двуперстно, владеть началъ, говоритъ: Господи Исусе Христе Сыне Божіи помилуй насъ»; а не «Господи Исусе Христе Боже нашъ помилуй насъ», — а что онъ тамъ себѣ вѣритъ и какъ онъ себѣ думаетъ, до этого никому нѣтъ дѣла. Практически это привело къ тому, что мы, требуя другъ отъ друга соблюденія извѣстныхъ религіозныхъ и гражданскихъ обрядовъ и не допуская никакой разницы въ нихъ для себя, налагали

Ихъ сплоти на все народности, которыхъ мы некогда и такимъ образомъ ихъ обрусили, а тѣмъ и сплотили наше великое государство. Не правъ былъ тотъ иностранецъ, который отозвался объ Россіи, будто это глыба снѣга, держащаяся только привычкой, только потому, что ей не доставало вѣшняго толчка. Толчковъ Россія выдержала много и выдержала съ честью; удары не разрушили ее, а только крѣпче сковываютъ въ одно цѣлое. — Держить ее не привычка, а держать обрядъ быть русскимъ, говорить всегда по-русски, исповѣдывать русскую вѣру, почитать извѣстные законы, имѣть православнаго царя и извѣстныя границы и властвовать надъ извѣстными народностями. Такъ и сектанты наши позволяютъ себѣ думать, что имъ угодно, и имѣть какія имъ угодно связи, водить съ кѣмъ полюбится хлѣбъ-соль и даже расходиться съ господствующей церковью и не молиться за царя — но все это не выходя изъ предѣловъ уваженія къ синоду, страстной любви къ Россіи и вѣрно-подданства, потому что обрядъ ихъ, какой бы онъ ни былъ, требуетъ, чтобъ они были русскіе и заботились о благоденствіи Россіи. Я сплошь и рядомъ замѣчалъ, что къ бѣглому мошеннику, даже къ

убійць, они относятся какъ-то снисходительнѣе, чѣмъ къ бунтовщику. Мошенникъ, на ихъ взглядъ, казнится за частное дѣло, за нарушение подробности; бунтовщикъ же святотатственно идетъ противъ цѣлаго, противъ всего, т. е. царя, — а царь выраженіе государства. Бѣглому мошеннику они никогда не посоветуютъ возвратиться въ Россію; мнѣ и польскимъ эмигрантамъ они постоянно трубили въ уши о явкѣ на границу съ повинной—и вовсе не затѣмъ, чтобъ мы погибли, а чтобъ мы поканіемъ вымолили себѣ прощеніе. Понятно, какъ это меня первое время досадовало, и какъ я сильно обманулся въ своихъ расчетахъ поддержать политическую пропаганду въ Россіи при помощи нашихъ граничныхъ старообрядцевъ.— Но какъ бы то ни было, общій голосъ всѣхъ этихъ выходцевъ сильно меня тревожилъ еще до временъ моего діогенства.